

4. Сибирь

НАЛИЧИЕ Сибири — особая, уникальная наша черта. Не будь Сибири — феодализм так долго не мог бы существовать: Сибирь оттягивала всех недовольных, сглаживала остроту противоречий между старым и новым. Туда ведь не только ссылали. Туда бежали сильные, независимые люди, которым неволею были феодальные условия. Крепостного права в Сибири не было, простому человеку дышалось там свободнее.

Коротко: имеющийся резерв пространства обернулся резервом времени, удлинил жизненный срок феодализма. Революционеры будили массы, а Сибирь разряжала социальное напряжение.

Сибирь исправно хоронила живых людей!

Иногда пометки, сделанные в тексте растерянным редактором, лучше всякой публицистики отражают реальность. Некрасов написал стихотворение о Чернышевском, но заглавие «Пророк» ему не нравилось. Он зачеркнул плохое заглавие и написал, по его мнению, хорошее: «Памяти Чернышевского». Но написавши «хорошее» заглавие, он сообразил, что Чернышевский ведь жив! Отказался и от этого варианта. Готовя к печати свое последнее прижизненное издание, Некрасов распорядился печатать «Пророка» вовсе без названия, просто:

Не говори: «Забыл он осторожности!

Он будет сам судьбы своей виной!..»

Не хуже нас он видит невозможность

Служить добру, не жертвуя собой.

Из писем Чернышевского домой:

«Я осушил несколько десятков квадратных саженей сырой низменности моими достопочтенными трудами». Он прокапывал канавки. Занимался вроде как бы мелиорацией, чтобы занять время.

После того как его обыскали и отобрали все рукописи, он стал сжигать их.

«Здесь иногда я принимаюсь писать сказки; но это не долгие периоды, а — месяца два, много три; а между ними — сначала были полугоды, а после и целый год, а вот, напоследок, и года полтора, я полагаю, — такого времени, что я не имел охоты писать для бросания в печь».

Его семья находилась на содержании у родственника, литератора А. Н. Пыпина.

Местные жители находились в состоянии дикости.

Очень редко удавалось поговорить с образованным человеком, и тогда Чернышевский был «словоохотлив».

На государственной охоте зимой 1864—65 гг. граф Алексей Константинович Толстой попытался заступиться за Чернышевского.

— Что нового в литературе? — спросил Толстого Александр П.

— Русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского... — начал было Толстой.

Но Александр не дал ему закончить:

— Прощу тебя, Толстой, никогда не напоминать мне о Чернышевском, — Александр был недоволен и отвернулся: это значило, что беседа закончена.

Адекватная форма «убеждения» монархов будет найдена не приближенными литераторами, а народолюбцами. После того, как они в 1881 году убиты бомбой этого Александра, двор вступит с ними в переговоры: дайте нам спокойно короновать следующего Александра, а мы пойдем на ваши условия. Народолюбцы выдвинули свои требования, в том числе освобождение Чернышевского. Соглашение это не состоится, но, поскольку коронация все же пройдет благополучно, правительство выпустит Чернышевского из Сибири в Астрахань.

Но это впереди. А пока что Пыпин в ярости и в горе: один из издателей с полной непосредственностью сообщил ему: положение Чернышевского настолько безотраднее, что издадут ли они его роман «Пролог Пролога», нет ли — «хуже ему не будет».

Из письма Н. Ф. Даниельсона Марксу. Отправлено из

Санкт-Петербурга 16 (28) января 1873 года:

«Чтобы получить фактические данные о жизни Чернышевского, я обратился к его друзьям. Один из его друзей, с ранней юности всегда бывший с ним вместе и поэтому очень хорошо его знавший, боится теперь громко произнести его имя. Но этого мало. Получив в 1866 г. от Чернышевского роман чисто эпического характера... — этот человек не нашел ничего лучшего, как... сжечь роман!.. И от такого человека я надеялся узнать подробности о Чернышевском!»

Там же... «...Когда его имя появляется в газетах, оно используется только как ругательство...» «Я посылаю Вам сатиры Щедрина, единственного уцелевшего умного представителя литературного кружка Добролюбова».

Тонкий лирик Фет все еще не мог успокоиться. Он продолжал избивать связанного по рукам и ногам идейного противника. Основной прием

вал, как мог: он писал им длинные письма. На них надпись: «Читано в Жандармском Управлении».

«Наука в книгах и в личном самостоятельном труде над приобретением знания из книг и из жизни, а не из школ...» Чернышевский считал самым важным — выработать мировоззрение. Он разъяснял сыновьям основные проблемы бытия. Копаться в частности считал неинтересным и ненужным. Он пытался установить правильный угол зрения, под которым его дети могли бы рассматривать исторические процессы.

Чернышевский выдвигал на первый план именно схемы, а не факты. В марксизме это называется восхождением от общего к конкретному. Чернышевский сам пришел к этим же выводам. Он владел основами марксистской логики еще тогда, когда о марксизме в России не знали. По Чернышевскому, иметь правильный взгляд на ту или

б наши демократы имели хоть немного воздуха для жизни.

Не знаю, как вы, а я понимаю не только теоретически, но и психологически, почему народолюбцы швыряли бомбы под воров такого масштаба! И бомбу швырнешь, и сама взорвется, зато избавишь страну от очередного пожирателя наших лучших людей.

...А Чернышевский продолжал надеяться на серьезную работу если не в Петербурге, то хотя бы в Москве. Он ждал разрешения, снятия запрета. Он мечтал о многом: издавать книги для народа, детскую литературу по истории и даже политэкономии, мечтал создать энциклопедический словарь. Но главное — иметь свой журнал!

Запрет якобы сняли: взять псевдоним, никому не известный. И сидеть в Астрахани!

А. А. Токарский вспоминает, как однажды, когда заговорили о предоставлявшейся некогда Чернышевскому возможности издавать за гра-

спустя годы Ленин резко скажет, что либералы «...забыли и думать о великом звании революционера...»

Две исторические тенденции... Революционная и либеральная... Обе устремляются к иному, чем есть, однако «иное» — то слишком уж различно! Поэтому, когда слышишь призывы к «новому», прикидывай, к какому такому «новому», ибо революционное переустройство мира — и «счастье» жить «по-западному» одинаково именуются «новым»: историческая тенденция — явление долговременное...

МНЕ КАЖЕТСЯ, что произошел какой-то перекос и что в общественном сознании на первом месте оказались выдвинутыми вовсе не первые исторические фигуры, а подлинные первые фигуры оказались где-то во втором или третьем ряду. А коли так, то в духе времени будет этот перекос устранить.

И есть еще одна важная сторона в восприятии нами фигуры Чернышевского. Ленин недаром, выступая на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию, обращает внимание слушателей на обывательское восприятие героя и героизма. Как может оценить деятельность Чернышевского «человек, совершенно невежественный и темный? Он, вероятно, скажет: «Ну что же, разбил человек себе жизнь, попал в Сибирь, ничего не добился».

Такой отзыв может исходить либо «от человека безнадёжно темного», либо «от мерзавца, сторонника реакции». Да и в самом деле! Оценки обывателя и оценки реакционера сплошь и рядом совпадают.

Оценивать революционера (по Ленину) надо не «с точки зрения тех жертв, внешне бесполезных, часто бесплодных, которые он принес», а по содержанию его деятельности и по связи этой деятельности с предыдущими и последующими революционерами. А из этой цепи не вынешь демократического звена с его главной фигурой — Чернышевским. По революционному календарю целая эпоха недаром носит название «эпохи Чернышевского». Она вплотную примыкает к эпохе Ленина.

Вот в чем разница между двумя эпохами: в первую эпоху Россию населяла «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Цитируя эти слова из романа Чернышевского «Пролог», Ленин назвал их словами настоящей «любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было».

Давайте сформулируем так: рабство — это отсутствие революционности. Продолжим развитие формулировки: антипод революционера есть раб.

Недаром Ленин, продолжая комментировать слова Чернышевского о нации рабов, говорит о России 1914 года, о наличии (наконец-то!) революционности: «Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс...»

Так движутся эпохи на революционном календаре.

Так обстояло дело с массами на самом деле. А почему «устоев» и т. д. хорошее и плохое поменялось местами — это уж другой разговор. Хотя суть его все та же: либо темнота и невежество безысходное, либо злостная, лицемерная защита интересов реакции...

НАШИ духовные ценности сейчас нуждаются в том, чтобы с них счистить, смыть всевозможные налеты. Заставить сиять заново.

Чернышевский, смывая налет времени с наследия своего предшественника Белинского и проясняя тем самым читателю логику, наследованную и развитые революционные идеи, сам объяснял, зачем он это делает. Прочитаем текст и не забудем о подтексте.

«...Надобно еще спросить себя, точно ли мертвецы лежат в этих гробах? Не живые ли люди похоронены в них? По крайней мере, не гораздо ли более жизни в этих покойниках, нежели во многих людях, называющихся живыми?»

Е. ЛОСОТО.

СУДЬБА ЧЕРНЫШЕВСКОГО

НАШИ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

Фета в этой полемике: извращение и вульгаризация мыслей Чернышевского.

Обращаясь к истории литературы, мы с вами не должны все же забывать, что, кроме «художественности», кроме красоты слова, существует еще направленность, классовая позиция художника.

В. Курочкин высмеивал убожество доводов либералов и реакционеров, критиковавших роман «Что делать?».

Жена героя — что за стыд? Живет своим трудом!

Не наряжается в кредит И с белошейкой говорит — Как с равным ей лицом.

Нет, я не дам жене своей Читать роман такой.

У Некрасова дела шли плохо. Подписка на журнал падала из-за цензурного гнета и осторожности читающей публики, опасавшейся фактом подписки на журнал засвидетельствовать свою неблагонадежность. Плохо шли дела и у Щедрина. Их обоих начали обвинять в жадности, мелочности и т. д. Наши лучшие писатели (и одновременно лучшие люди) Некрасов и Щедрина тратили силы и время, лавировали, прижимались, считали копейки, чтобы журналы выжили, гнули спины над чужими рукописями, чтобы способствовать развитию русской литературы, а третьеразрядные сочинители сиплетничали об их «жадности».

Письмо Некрасова Плетневу, раскрывающее и обстановку, и реально существовавшую высокую этику наших демократов:

«Панаев умер, оставив долгу на своей половине «Современника» до 17 т. руб. сер. Два наши сотрудника — один смертью, другой ссылкой лишены были возможности возместить свою работу значительную сумму, которую редакция выдала им вперед; для погашения этих-то долгов издавал я «Современник» в последние годы; сверх того, после Панаева осталась мать, старуха 75 лет, без куска хлеба, сын 4 лет — тоже; после Чернышевского — жена и двое малолетних детей; после Добролюбова — двое малолетних братьев; всем этим лицам дается кусок хлеба и иные средства к воспитанию из средств «Современника», который с каждым годом приносит менее. Чтобы выдавать вам полную ренту, я должен сжимать этих бедных людей, долг тоже почти не убывает. Неужели вы будете меня теснить?»

Некрасов был очень умен. По мнению современников, он мог бы достигнуть блестящих успехов на любом поприще: стать крупным ученым, смелым генералом, богатым купцом... Однако он умер, не оставив после себя ни гроша. (Разумеется, это не послужило поводом прекратить болтовню о его «жадности»).

НУ ТАК вот, жизнь-то шла. Сыновей Чернышевского содержали Пыпин и Некрасов, а отец их воспитывал, как мог: он писал им

длинные письма. На них надпись: «Читано в Жандармском Управлении».

«Наука в книгах и в личном самостоятельном труде над приобретением знания из книг и из жизни, а не из школ...» Чернышевский считал самым важным — выработать мировоззрение. Он разъяснял сыновьям основные проблемы бытия. Копаться в частности считал неинтересным и ненужным. Он пытался установить правильный угол зрения, под которым его дети могли бы рассматривать исторические процессы.

Чернышевский выдвигал на первый план именно схемы, а не факты. В марксизме это называется восхождением от общего к конкретному. Чернышевский сам пришел к этим же выводам. Он владел основами марксистской логики еще тогда, когда о марксизме в России не знали. По Чернышевскому, иметь правильный взгляд на ту или

иную отрасль знания, уметь выявить, оценить ее функции в ряду других наук — важнее, чем быть узким специалистом в той или иной науке.

Высота взгляда всегда свойственна Чернышевскому. По моему, научиться этому всегда полезно, а сейчас как будто бы особенно. Сейчас мы в очередной раз осознаем, что прокладываемся углубление каждого в свою узкую специальность ведет каждого в свой персональный тупик и что без высоты взгляда, без восхождения от общего к конкретному ничего, кроме множества ошибок и диссертаций, сделано не будет.

Все свои воззрения Чернышевский излагал, как всегда, эзоповским языком, в виде полемик со старыми авторами. То были темы, безразличные для жандармов. Письма просматривались. Жандарм то понюхает, то полижет, письмо не действует никак.

Один исследователь так сформулировал реакцию жандармов: «Что им Прудон, и Мальтус, и Фейербах? Пусть себе бранится на здоровье, пусть расшатывает авторитеты науки, от которой только вред для государственного порядка, только «волнение умов», неукротимое никакими мерами».

Когда народолюбцы своей отчаянной борьбой довели Романовых чуть ли не до капитуляции, личная судьба Чернышевского стала полегче. Все-таки Астрахань не Вилюйск! В Астрахани есть и бедное население.

Чернышевский занимался переводами. Для мыслителя и публициста такого уровня это литературная поленица, сплошное унижение. Но даже и переводы выходили под псевдонимом или вовсе без подписи. Запретить упоминания имени — обычный прием феодальной монархии.

Оба Александра со своей челядью ограбили страну, отняв у нас все потенциальное творчество Чернышевского после того единственного десятилетия, когда у него была возможность работать. Даже если б у него не отобрали рукописи и даже если б то, что он создавал в Сибири, печаталось, мы все равно были бы обворованы Романовыми: мыслитель, литератор и революционер, лично выключенный из общественного движения, не может создать произведений, сколько-нибудь заметное содействующих настоящему и будущему данного движения: для этого надо находиться внутри него.

Вне общественного движения можно создавать любовную лирику и рыболовные записки, но нельзя создать ничего общественно, граждански значимого.

Сгноив Чернышевского и отправив безвременю на тот свет Добролюбова, Романовы и их приверженцы ограбили нас на наших Маркса и Энгельса. Может быть, слишком смелым покажется мое утверждение, но мы бы имели своих Маркса и Энгельса (все говорит за это!), если б деспотизм не был азиатским, если

б наши демократы имели хоть немного воздуха для жизни.

Не знаю, как вы, а я понимаю не только теоретически, но и психологически, почему народолюбцы швыряли бомбы под воров такого масштаба! И бомбу швырнешь, и сама взорвется, зато избавишь страну от очередного пожирателя наших лучших людей.

...А Чернышевский продолжал надеяться на серьезную работу если не в Петербурге, то хотя бы в Москве. Он ждал разрешения, снятия запрета. Он мечтал о многом: издавать книги для народа, детскую литературу по истории и даже политэкономии, мечтал создать энциклопедический словарь. Но главное — иметь свой журнал!

Запрет якобы сняли: взять псевдоним, никому не известный. И сидеть в Астрахани!

А. А. Токарский вспоминает, как однажды, когда заговорили о предоставлявшейся некогда Чернышевскому возможности издавать за гра-

спустя годы Ленин резко скажет, что либералы «...забыли и думать о великом звании революционера...»

Две исторические тенденции... Революционная и либеральная... Обе устремляются к иному, чем есть, однако «иное» — то слишком уж различно! Поэтому, когда слышишь призывы к «новому», прикидывай, к какому такому «новому», ибо революционное переустройство мира — и «счастье» жить «по-западному» одинаково именуются «новым»: историческая тенденция — явление долговременное...

МНЕ КАЖЕТСЯ, что произошел какой-то перекос и что в общественном сознании на первом месте оказались выдвинутыми вовсе не первые исторические фигуры, а подлинные первые фигуры оказались где-то во втором или третьем ряду. А коли так, то в духе времени будет этот перекос устранить.

И есть еще одна важная сторона в восприятии нами фигуры Чернышевского. Ленин недаром, выступая на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию, обращает внимание слушателей на обывательское восприятие героя и героизма. Как может оценить деятельность Чернышевского «человек, совершенно невежественный и темный? Он, вероятно, скажет: «Ну что же, разбил человек себе жизнь, попал в Сибирь, ничего не добился».

Такой отзыв может исходить либо «от человека безнадёжно темного», либо «от мерзавца, сторонника реакции». Да и в самом деле! Оценки обывателя и оценки реакционера сплошь и рядом совпадают.

Оценивать революционера (по Ленину) надо не «с точки зрения тех жертв, внешне бесполезных, часто бесплодных, которые он принес», а по содержанию его деятельности и по связи этой деятельности с предыдущими и последующими революционерами. А из этой цепи не вынешь демократического звена с его главной фигурой — Чернышевским. По революционному календарю целая эпоха недаром носит название «эпохи Чернышевского». Она вплотную примыкает к эпохе Ленина.

Вот в чем разница между двумя эпохами: в первую эпоху Россию населяла «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Цитируя эти слова из романа Чернышевского «Пролог», Ленин назвал их словами настоящей «любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было».

Давайте сформулируем так: рабство — это отсутствие революционности. Продолжим развитие формулировки: антипод революционера есть раб.

Недаром Ленин, продолжая комментировать слова Чернышевского о нации рабов, говорит о России 1914 года, о наличии (наконец-то!) революционности: «Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс...»

Так движутся эпохи на революционном календаре.

Так обстояло дело с массами на самом деле. А почему «устоев» и т. д. хорошее и плохое поменялось местами — это уж другой разговор. Хотя суть его все та же: либо темнота и невежество безысходное, либо злостная, лицемерная защита интересов реакции...

НАШИ духовные ценности сейчас нуждаются в том, чтобы с них счистить, смыть всевозможные налеты. Заставить сиять заново.

Чернышевский, смывая налет времени с наследия своего предшественника Белинского и проясняя тем самым читателю логику, наследованную и развитые революционные идеи, сам объяснял, зачем он это делает. Прочитаем текст и не забудем о подтексте.

«...Надобно еще спросить себя, точно ли мертвецы лежат в этих гробах? Не живые ли люди похоронены в них? По крайней мере, не гораздо ли более жизни в этих покойниках, нежели во многих людях, называющихся живыми?»

Е. ЛОСОТО.

Окончание. Начало см. в номерах за 25, 26, 27 сентября с. г.